

УДК 32.019.5

**«БЁРК НИКОГДА НЕ БЫЛ НИКЕМ, КРОМЕ КОНСЕРВАТОРА» [1]?
НЕКОТОРЫЕ АСПЕКТЫ АНГЛО-АМЕРИКАНСКОЙ ИСТОРИОГРАФИИ,
ПОСВЯЩЕННОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ МЫСЛИТЕЛЯ**

© 2010 г.

А.И. Витальева

Нижегородский госуниверситет им. Н.И. Лобачевского

anna-vitalyeva@yandex.ru

Поступила в редакцию 05.07.2010

Анализируются основные тенденции англо-американской историографии второй половины XX в., посвященной политической деятельности и творчеству Э. Бёрка. Ученые рассматривали Бёрка как теоретика, практика, христианского мыслителя, наследника «школы естественных прав», либерального консерватора и т.д., но ни одна из концепций не может быть признана единственно верной в силу парадоксальности фигуры мыслителя.

Ключевые слова: Э. Бёрк, консерватизм, традиционализм, либерализм, Американская революция, Французская революция, Британская империя XVIII в.

Автор «Размышлений о революции во Франции» (1790 г.), основатель современного консерватизма, Э. Бёрк (1729–1797) известен и как видный британский политик, мыслитель и публицист второй половины XVIII в. Спектр деятельности Бёрка был настолько широк (ему выпало быть участником реформаторского движения в Англии, дебатов о войне в Северной Америке, а также о кризисной ситуации в Ирландии, наконец, он возглавил идейный поход против Французской революции конца XVIII столетия), что авторы многих исследований выдвинули неоднозначные, порой прямо противоположные друг другу концепции.

Ученые США и Великобритании рассматривали Бёрка как теоретика, практика, христианского мыслителя, наследника «школы естественных прав», рационалиста, антирационалиста, либерального консерватора, реакционера, контрреволюционера и т.д. Каждый из подходов заслуживает внимания. Бёрк предстает перед читателем в двойственном образе политика и философа. Он чутко реагировал на меняющиеся политические обстоятельства, вследствие чего его речи приобретали то либеральную, то консервативную, а порой и романтическую окраску. Поэтому окунуться вглубь проблемы, связанной с интерпретацией работ мыслителя, отметить наиболее противоречивые ее стороны, на мой взгляд, необходимо. Тем более что обзор подобного рода, проведенное советской исследовательницей Г.С. Волковой, было сделано уже довольно давно [2]. Ф. Магнус назвал Бёрка «интеллектуальным гигантом, переросшим своих современников» [3]. Насколько он

прав и были ли применимы к жизни теоретические постулаты Бёрка, по мнению западных ученых? Обратимся к некоторым биографам и исследователям его творчества.

Хотя интерес к Бёрку возродился после Второй мировой войны ввиду открытия новых источников (личных бумаг Бёрка) и возрос благодаря деятельности американских «неоконсерваторов», еще во время войны на его родине читались лекции о «выдающемся уме» «великого мастера», «величайшего политического обозревателя», «самого всеобъемлющего политического мыслителя» [4]. Позже британский историк А. Коббен развил утилитаристский подход к его творчеству, разрабатывавшийся ранее представителями «виггов». Одна из работ Коббена – «Э. Бёрк и бунт против восемнадцатого столетия» (1960) – посвящена, в большей степени, вопросу об идейной взаимосвязи Бёрка с философией Просвещения. Коббен сопоставляет взгляды Дж. Локка и Бёрка касательно законов, которые движут обществом: «Сравнение двух авторов показывает, что Локк постоянно обращается к Закону Природы, внедрение которого и сформировало политическое общество... в то время как Бёрк использует его, но редко, и когда обращается к нему, то кажется, что имеет в виду что-то другое» [5, р. 42]. Это «другое» есть не что иное, как Священный закон, установленный свыше. Между Божественным законом и гражданскими законами пролегает долгий путь перехода из одного состояния в другое, т.е. из природного (естественного) – в гражданское. По мнению Коббена, заслуга Бёрка в том, что он смог связать воедино локковский

Закон Природы, поделенный на две равновесные части – Божественный и Человеческий, – объяснив особенности последнего через авторитет первого [5, р. 43]. По мнению Бёрка, все должно было подчиняться Высшему Закону, а не тому, что люди создали во имя сохранения своих личных интересов, т.е. гражданские установления должны быть санкционированы свыше. Он показал, как действуют определенные законы, которые Локк использовал только как философский базис своих политических принципов.

Задолго до Коббена младший современник Бёрка Дж. Макинтош (1765–1832) назвал мыслителя «одним из великих учителей гражданской мудрости» [5, р. 47]. Анализируя сочинения Бёрка, не раз сталкиваясь с его прагматичной позицией, стремлением подвергнуть то, что существовало априори, проверке на применимость. Постулаты «школы естественных прав» были восприняты Бёрком с позиции целесообразности вещей. Ввиду этого Ф. Дрейер отказывает ему в построении изолированной от философии XVII–XVIII вв. теории. В книге «Политические взгляды Бёрка: учение ортодоксальных вигов» (1979) Дрейер не акцентирует внимание на религиозности мыслителя и признает несостоятельной интерпретацию Бёрка как органициста [6, р. 69, 79], его больше интересует отношение последнего к индивидуальным правам и свободам. По Дрейеру, учение Бёрка об обществе было основано на индивидуализме, ибо он считает, что люди в естественном состоянии объединялись в группы не из-за органической сущности ассоциации, а лишь ввиду присущих каждому из них животных инстинктов: «Взаимное вожделение полов, сплетавшее их в едином порыве страсти, и дети, бывшие плодом этой связи, стали источником первых представлений об обществе и удобствах с ним связанных. Это общество, основанное на естественных стремлениях и инстинктах, а не на позитивных, человеческой волей установленных учреждениях, я называю Естественным Обществом» [7]. Не будь этих импульсов, толкавших людей к объединению, он мог бы существовать самостоятельно, но природа распорядилась по-другому. Как виг-либерал, Бёрк признавал индивидуализм человеческой природы на начальной, догосударственной стадии существования. Впоследствии индивиды путем социальной эволюции образовали государство на основе договора высшего порядка. Естественное общество приобрело статус Политического. В последнем, считает Бёрк, для взаимного объединения были созданы законы как средство

слияния множества семей в одну политическую систему, ибо «природа не создала никаких связей, чтобы удерживать людей вместе» [7].

В XIX в. философы пришли к выводу, что природу и права человека модифицирует сама история. Однако Дрейер заключает, что Бёрк был «пионером» в этом вопросе задолго до признания этой особенности человечества классическим историзмом [6, р. 54]: «Изменения в человеческой природе и в естественном обществе, которые описывал Бёрк, не были теми, что нарушали ортодоксию индивидуализма восемнадцатого века... Бёрк не принял ни одного принципа социального изменения и развития, которые не были бы принципами индивидуального изменения и развития» [6, р. 79]. Отсюда следует, что эволюция человеческой природы повлекла за собой общественные изменения в целом. Причем Дрейер настаивает, что Бёрк первым обосновал существование различий в обычаях и «предрассудках» народов.

Историки часто трактовали Бёрка с позиций индивидуализма, а также утилитаризма. Например, Г. Чепмен делит его жизнь на главы, страницы которых наполнены оценкой важных политических событий, таких как Американская война за независимость или конституционная реформа в Англии и др. Автор подчеркивает прагматизм в деятельности Бёрка: «Абстрактная свобода есть крайность, чье теоретическое совершенство повлечет за собой практическую ошибку; она не может существовать нигде, кроме практики. И как только она сталкивается с реальностью, то становится этой или той свободой среди этого или того народа в это или то время и место, т.е. зависит от обстоятельств» [8].

Были и те исследователи, кто искали в Бёрке соответствие современному им времени и пытались вписать его идеи в новый исторический контекст. Так, К. Макферсон стремился донести до читателя особенности восприятия мыслителя от столетия к столетию: «В XIX в. Бёрк был превращен в утилитарного либерала. Его выступление против Франции было отложено на задний план, как заблуждение. Внимание было приковано к ранним сочинениям и речам. Оценки разнились: сильный враг судебной группы, авторитарного правительства, видов Британского империализма, превалировавших в Америке и Ирландии, а также в Индии; друг торговых кругов, осведомленный критик экономической политики, адвокат саморегулирующей рыночной экономики; сторонник религиозной толерантности; и, конечно, защитник Вигской Революции» [9, р. 3]. Макферсон тен-

денциозен, он пишет в эпоху подъема коммунистического движения, называет Бёрка «ирландским выскочкой», «пропагандистом», «искателем приключений» [9, р. 5], но в то же время приветствует его традиционализм в отношении к собственности: «Целесообразность и Естественный Закон были одним и тем же, потому что капитализм и традиционный порядок представляли одно и то же, потому что капитализм нуждался в санкции со стороны традиции и привычки. Поскольку Бёрк так считал, он определил своих современников» [9, р. 71]. Таким образом, ввиду охранительного отношения к собственности Макферсон актуализировал роль Бёрка в меняющемся политическом пространстве. Он видит в нем скорее практика, нежели теоретика.

Итак, индивидуализм, утилитаризм – значимые составляющие в трактовке Бёрка. А вот взгляд на него в другой плоскости. М. Фримен жестко высказывается в отношении чистого консерватизма: «На самом деле, если консерватизм не регулируется в достаточном объеме либеральным индивидуализмом, как в наши дни, он идеологически недалек от тех форм фашизма, когда индивид подчинен весьма мистической государственной нации или расе» [10, р. 60]. Фримен считает, что отрицание радикализма в политике привело Бёрка к радикальному Романтизму, который базировался на отказе от любой формы насилия. Он обвиняет Бёрка в защите «безвкусица» и «посредственности» в политике. Ему не хватает в Бёрке стремительности в принятии решений, и Фримен, видимо, не считает его консерватизм динамичным. Автор задается вопросом «был ли Бёрк индивидуалистом» и выдвигает несколько гипотез. Онтологически Бёрк им являлся, так как признавал реально существующими только индивидов. С нравственной точки зрения он им не был: ведь нравственность рождается в обществе и истории. С политической позиции он признавал, что и управляющие и управляемые должны подчинять их индивидуальную волю всеобщему благу. С экономической точки зрения следование индивидуальному собственническому интересу было весьма желанным. С интеллектуальной стороны индивидуализм был опасен до тех пор, пока не ограничивался скромностью [10, р. 60–61]. Исходя из такого комплексного ответа на достаточно трудный и проблемный вопрос, Фримен все же приходит к выводу, что Бёрк, как представитель государственных интересов, был индивидуалистом. Верной целью правительства, по мнению Бёрка, была защита законных прав и свобод каждого индивида. Они были сбалансиро-

рованы чувством долга, выполнением взаимных обязанностей по отношению к государству.

Политическая занятость Бёрка подразумевала под собой практический подход к оценке событий, поэтому многие историки ступили на благодатную почву, анализируя деятельность Бёрка-практика. Однако немало и тех, кто небезосновательно видел в нем только теоретика, ибо политические речи, посвященные важнейшим событиям того времени, чем-то напоминали философские эссе. В наибольшей степени это относится к «Размышлениям...». Французская революция стала наибольшим поводом для бёрковского теоретизирования.

Причиной неприятия Революции, по мнению Ч. Паркина, одного из профессоров Кембриджского университета, было особое понимание «высшей нравственной справедливости». В книге «Нравственная основа бёрковской политической мысли» (1956) ее автор фокусирует внимание на том, что атака Бёрка на абстрактную теорию идеологов Революции была не просто протестом практического политика. Это был нравственный спор о природе и границах политического действия. Французы, по мнению Паркина, установили новый нравственный порядок, противоречащий природе человека и не исходящий из рук Божьих, чего жаждал Бёрк. Столкнулись две концепции нравственности: одна – дело Бога, другая – человека; произошла инверсия нравственных ценностей. Таким образом, Революция была для Бёрка бунтом против всеобщего порядка. Паркин характеризует Бёрка не как оппортуниста или утилитариста, а как защитника объективной и, по его мнению, единственно верной концепции нравственного порядка – порядка, данного Богом [11]. Бёрковские уроки нравственности и христианской добродетели в центре внимания Паркина.

По мнению другого исследователя «Бёрк в целях [популярности] памфлета¹ смотрит на Французскую Революцию глазами француза, не так, как он смотрел на Американскую Революцию, глазами имперского государственного деятеля, заинтересованного в налаживании пошатнувшихся связей в Империи». Т. Э. Атли продолжает мысль: «В случае с Америкой вопрос в том, как правительству предупредить и отреагировать на серьезный вызов; в случае с Францией вопрос в том, каковы принципы, на основе которых государство должно быть реформировано². Точная параллель [между Революциями] могла бы быть проведена, если бы Бёрк выступил с советом Людовику XVI в 1788 г. по вопросу, как справиться с надвигающейся революцией, но он этого не сделал»

[12, р. 26]. Автор считает, что Бёрк, как противник «рационализма в политике» [12, р. 27], стремился противопоставить ему метод постепенного улучшения, основанный на тщательном накоплении опыта³. Таким образом, Атли видит в Бёрке практика и приверженца традиционализма.

Видным представителем неоконсервативной традиции 50-х гг. XX в. является П. Стэнлис. Его работа носит название «Э. Бёрк и естественный закон» (1958). В самом заглавии звучит основной вопрос к Бёрку – об отношении к Естественному закону. Стэнлис утверждает, что Бёрк – не только не враг Естественного закона, но и наиболее красноречивый его защитник: «Чтобы широко оценить бёрковское обращение к Естественному закону в ирландских, американских, отеческих и индийских делах, необходимо понять исторические условия и сопутствующие обстоятельства, которые позже названы его доводами, и проанализировать манеру, в которой Бёрк стремился установить принципы Естественного закона через практическое политическое действие» [13, р. 40]. Стэнлис говорит, что Революция изменила его образ мышления, поскольку «была настолько катастрофическим событием, что вынудила Бёрка, против его воли и желания, стать политическим теоретиком в защиту традиционных принципов цивилизованного общества, среди которых Естественный закон занимает преобладающую позицию» [13, р. 66–67]. Последователи вигского утилитаризма критиковали Стэнлиса за такой подход, но у исследователя нашлись свои аргументы. Бёрк остается, по мнению Стэнлиса, приверженцем естественного закона, несущего высший нравственный порядок, которому должны следовать люди в гражданском обществе: «Как нормативный кодекс этики, Естественный закон был основой его консерватизма; это научило его, что человек и общество органически бессмертны и связаны волей случая и договором с Богом по ту сторону Истории. Бёрковское принятие Естественного Закона и принципа мудрости сделало его политическую философию в целом последовательной» [13, р. 123]. Суть подхода Стэнлиса в том, что, критикуя Французскую революцию, Бёрк призывал человечество обратиться к «естественному порядку вещей». Историк сделал вывод о принадлежности социально-политической теории Бёрка к той философской традиции, в основе которой лежит признание данного свыше «естественного закона» (the Natural Law), управляющего Вселенной и имеющего прежде всего нравственное содержание. Бёрк, по мнению Стэнлиса, «был самым

первым в новое время христианским гуманистом в политике, поскольку рассматривал мир и природу человека через откровения христианства и высшую истину естественного закона» [13, р. 125], и в этом заключалось отличие Бёрка от теоретиков «школы естественных прав».

Сходную позицию занимал Ф. Канаван. В работе «Политическая мудрость Э. Бёрка» он критикует тех исследователей, которые обычно трактовали политическую философию Бёрка как одну из форм утилитаризма и эмпиризма. «Моя трактовка Бёрка, – пишет Канаван, – отличается от позиций тех исследователей, кто считает, что Бёрк высшей нормой политического суждения делает пользу и целесообразность... Между принципами и их конечным применением существовало пространство, в котором царил мудрость» [14]. Канаван отдает предпочтение христианской трактовке Бёрка: «Согласно интеллектуальной традиции христианской философии, Бёрк рассматривал Вселенную как разумное целое, созданное священным Разумом. В этом универсальном порядке заключался естественный нравственный порядок, проистекающий из структуры и сущностных взаимосвязей человеческой природы, созданный Богом. Фундаментальные цели человеческих деяний и основополагающие принципы, регулирующие достижение этих целей, были предписаны этим нравственным порядком... Эти принципы были названы естественным нравственным законом» [14]. Автор понимает Бёрка как мыслителя, который основывался на нравственной и теологической концепции государства. Это и обеспечило ему возможность успешно связать естественный нравственный порядок, который санкционирован Богом, с порядком человеческих взаимоотношений в гражданском обществе. Канаван обнаружил в Бёрке не только его политические убеждения, но и приверженность христианской морали.

Между тем во второй половине XX в. пополнился багаж либеральной историографии. Так, британский исследователь Г. Ласки в работе «Происхождение Европейского либерализма» (1962) пишет: «Конечно, Французская революция не была внезапным событием. Ее приход был предопределен поколением ранее перед ее свершением. Люди чувствовали, что живут в опасные времена. Приготовления к финальному взрыву проходили постепенно и накопительно» [15, р. 107]. Ласки говорит, что «Размышления...» Бёрка стали «переломным моментом» в английской политической философии. Каковы же аргументы автора этого изречения? «...Именно он, больше, чем какой-либо другой

мыслитель, дал метафизическим выкладкам локковской теории государства то содержание, которое было донесено до наших дней. Если фундаментальное ударение Бёрк делает на консерватизме, то утилитарная основа его кредо содержала элементы, допускающие либеральную трактовку. Что было значимо в его взгляде тогда, когда он впервые это произнес, то значимо и сейчас. Он по праву считается истинным основателем третьей Британской империи; ибо по закону, для будущих поколений, защищал американские колонии от налогообложения и Индийскую территорию от тирании... Его понимание отношения естественного права к целесообразности; его теория государства как истина; его настаивание на опасности жертвования жизнью ради логики; его акцент на предписании и собственности как определяющих эффективных контурах государства; его 'расположение сохранять и возможность улучшать' как критерий искусства управлять государством; все это настолько вошло в мысли англичан, что трудно переоценить» [15, р. 128], – заключает Ласки.

Казалось бы, спор в историографии, посвященной деятельности Бёрка, заканчивается на проблеме, «практик он или теоретик». Западные ученые оперируют фактами политической деятельности, теоретическими пассажами, которые дали основания считать Бёрка наследником «школы естественных прав». Его напрямую сравнивают с Локком, Руссо, находя между ними немало общего. Поскольку Бёрк ратовал за отмену строгой системы налогообложения американских колоний, его консерватизм признавали либеральным. Такой точки зрения придерживался Т. Мэкнайт, который оценил главное произведение Бёрка следующим образом: «Несмотря на то, что Фрэнсис, Фокс, Шеридан и Грэй, о которых можно было сказать, что они представляют собой наиболее крайнюю партийную группировку, не одобрили «Размышления», Бёрк по крайней мере утешился тем, что наиболее выдающиеся из оставшихся членов старой вигской гвардии, следовавших линии Рокингема, всецело приняли книгу, где были воплощены их политические принципы» [16]. Из сказанного видно, что Мэкнайт не видит в Бёрке истинного консерватора, хотя замечу, консерватизм тоже имеет свои особенности и виды [17].

Не ставя точку в данном споре, можно лишь добавить, что более состоятельными выглядят концепции тех авторов, кто видели глубокую религиозность Бёрка и ту роль, которую она сыграла в формировании его мировоззрения.

Устоялось мнение, что Бёрк – консерватор, ввиду выраженного поправения взглядов после Французской революции 1789 г. Но есть и такие исследователи, кто полагал, что консерватизм дал себя знать еще до Революции. В их числе И. Крамник, который подробно останавливается на одной из пяти политических «баталий» [18] Бёрка – дебатах по поводу войны американцев за независимость. Вообще, поскольку Бёрк ратовал за исконные права американцев, за свободы, не стало исключением видение его как либерала, последовательно проводившего в жизнь традиции вигской партии. Кстати, одной из ранних заслуг Бёрка признается то, что он «направил виггизм в новое русло и наделил его новой целью и новым значением» [19]. Крамник, наоборот, утверждает, что своими действиями в годы Американской революции Бёрк уже выражал консервативные взгляды, поскольку хотел вернуть американцам то, что принадлежало им по праву, по старинной традиции. Он приветствовал нерушимость исконно данных институтов в стране, не разделяя народы на зависимых и независимых: «Бёрковские сочинения и речи об Америке были пробной почвой для применения консервативного оружия, которое он позже применил к французам и английским радикалам. Бёрк не оставил сомнения, что защита американцев была не более чем благородной попыткой реставрировать традиции прошлого» [20].

В заключение стоит отметить, что в споре о преобладании теоретических или практических шагов в политической жизни Бёрка перевес оказывается на стороне утилитаристов, поскольку вся жизнь мыслителя – это борьба за процветание Британии и относящихся к ней народов и территорий. В действительности ни одна концепция не может быть единственно верной. В этом и особенность Бёрка-политика и Бёрка-мыслителя, фигуры разносторонней и в какой-то мере парадоксальной. Недаром ряд авторов сходятся во мнении, что четкой системы взглядов у Бёрка нет, что временами он непоследователен и неоднозначен. Однако в его мышлении присутствует несомненная религиозность, которая и помогала Бёрку избегать крайностей в политике; по его мнению, она должна была сглаживать национальные либо интернациональные конфликты. Наконец, надо признать, что и те авторы, которые говорят о присутствии консервативных элементов в его дореволюционной политике, и те, кто находят либеральные после Революции, одинаково правы, потому что Бёрк действовал в зависимости от обстоятельств, пытаясь то обуздать чрезмерную сво-

боду действий различных этнических, религиозных и социальных групп, то смягчить тяготы, налагаемые властью на общество.

Примечания

1. Имеются в виду «Размышления о Революции во Франции».
2. Вообще любое государство, а не только Франция.
3. Судя по этому высказыванию, Атли имел в виду радикализм в политике.

Список литературы

1. Morley J. Burke. L.– N.Y., 1888. P. 243.
2. Волкова Г.С. Эдмунд Бёрк в оценке англо-американской буржуазной историографии // Вопросы истории. 1975. № 2. С. 172–181.
3. Magnus P. Edmund Burke. London, 1939. P. XI.
4. Young G.M. Burke: Annual lecture of the British Academy on a master mind. Oxford, 1943. P. 4–5.
5. Cobban A. Edmund Burke and the revolt against the eighteenth century. L., 1960. P. 42, 43, 47.
6. Dreyer F. Burke's politics: A study in Whig orthodoxy. Waterloo, 1979. P. 54, 69, 79.
7. Бёрк Э. В защиту естественного общества, или обозрение бед и несчастий, приходящихся на долю человечества в любого рода искусственно созданном обществе. В письме покойного благородного сочи-

теля к лорду // В сб.: Правление, политика и общество. М., 2003. С. 55.

8. Chapman G.W. Burke. The practical imagination. Cambridge – Massachusetts, 1967. P. 24.
9. Macpherson C.B. Burke. Oxford – Toronto – Melbourne, 1980. P. 3, 5, 71.
10. Freeman M. Edmund Burke and the critique of political radicalism. Oxford, 1980. P. 60–61.
11. Parkin C. The moral basis of Burke's political thought. Cambridge, 1956. P. 94–98.
12. Utley T.E. Edmund Burke. L.– N.Y. – Toronto, 1957. P. 26–27.
13. Stanlis P. Edmund Burke and the natural law. Michigan, 1958. P. 40, 66–67, 123, 125.
14. Canavan F. The political reason of E. Burke. L., 1960. P. 189–190.
15. Laski H.J. The Rise of European liberalism. An essay in Interpretation. L., 1962. P. 107, 128.
16. Macknight T. History of the life and times of E. Burke. L., 1860. V. 3. P. 348.
17. Мельвиль А.Ю. Социальная философия современного американского консерватизма. М., 1980. 142 с.
18. Чудинов А.В. Размышления англичан о Французской революции: Э. Бёрк, Дж. Макинтош, У. Годвин. М., 1996. С. 27.
19. O'Gorman F. E. Burke: His political philosophy. L., 1973. P. 15.
20. Kramnick I. The rage of E. Burke. Portrait of an ambivalent conservative. N.Y., 1977. P. 23.

«BURKE HAD INDEED NEVER BEEN ANYTHING ELSE THAN A CONSERVATIVE»? SOME ASPECTS OF THE ANGLO-AMERICAN HISTORIOGRAPHY RELATED TO THE THINKER'S ACTIVITY

A.I. Vitalyeva

The main trends are analyzed in the Anglo-American historiography of the second half of the 20th century related to E. Burke's political activity and work. Scholars regarded him to be a theorist, a practitioner, a Christian philosopher, a successor of the "school of natural rights", a liberal conservative, etc., but none of the concepts can be seen as the only right one because of the paradoxicality of the thinker's figure.

Keywords: E. Burke, conservatism, traditionalism, liberalism, the American revolution, the French revolution, the British Empire of the 18th century.